

18+

НИЖЕ УРОВНЯ МОРЯ

ЛЕХА АНДРЕЕВ

Леха Андреев

Ниже уровня моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67971215

ISBN 9785005674876

Аннотация

Увлекательный сюжет, яркие персонажи, прекрасный литературный язык, тонкий юмор... Вот, всего этого здесь нет. Просто история о человеке, который любит пить пиво и разговаривать со своим котом. Книга содержит нецензурную брань.

Ниже уровня моря

Леха Андреев

© Леха Андреев, 2024

ISBN 978-5-0056-7487-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечером пятницы тридцатого июля две тысячи двадцать первого года я вернулся домой. Ну, то есть, как «домой»... Туда, где прошли мои детство и юность.

Мой приятель Игорь припарковал свою старую «Джетту» возле третьего подъезда хрущевки на Железноводской улице, мы вылезли из машины и закурили. Зачем вылезли – не знаю. На улице моросил мелкий противный дождь, а курить можно было и в тачке. Еще там можно было пить пиво и цопать семечки. Воистину, народный автомобиль!

– Блин, и как это корыто до сих пор не развалилось? – спросил я, постукивая носком кроссовки по тому месту, где у машин обычно находится задний бампер.

– Немецкое качество... – протянул в ответ Игорь. – Рань-

ше тачки на совесть делали – не то, что сейчас. Но ты сильно не стучи лучше, а то мало ли...

– М-м-м... О'кей, – я перестал стучать, выкинул бычок на асфальт и открыл багажник. Там лежали пять полиэтиленовых сумок с логотипом гипермаркета «Ашан», а в них – почти все мое имущество. Некоторое количество шмоток разной степени потрепанности, ноутбук, аудиосистема «Ямаха», да всякое барахло по мелочи. Негусто, в общем. Мы вытащили сумки из багажника и отнесли их на лавочку, стоящую возле парадной.

– Помоги до квартиры дотащить, а? Чтоб за один раз.

– Да, конечно. Пошли.

На лестничной площадке четвертого этажа вкусно пахло пирожками. Я открыл дверь квартиры номер 36, и мы с Игорем, шурша сумками, ввалились в крохотную темную прихожую. Здесь пирожками уже не пахло.

– Фух! Кидай это все тут, я потом разберу.

– Ага.

Пошарив рукой по стене слева от себя, я нащупал выключатель и зажег свет. Лампочка в прихожей была совсем тусклая – ватт на сорок, не больше, и ничего толком не освещала. Я снял кроссовки, прошел на кухню и отодвинул закрывавшую окно плотную бежевую штору с каким-то невнятным узором.

Вот, теперь стало действительно светлее.

– Чай будешь?

– А кофе можно?

– Вряд ли... Отец кофе не пил, насколько я помню. Хотя сейчас гляну.

Я открыл дверцу буфета и сделал вид, что ищу кофе. Подвигал всякие баночки из-под специй, пошелестел пакетом с остатками макарон... Конечно же, ничего не нашел.

– Не, только чай. Будешь?

– Ладно, давай чай.

Из вкусняшек к чаю в буфете обнаружили только сахар, лимонная кислота в таблетках, да полпачки красных «Marlboro».

– Ну как, ощущаешь уже, что ты наконец-то дома? – спросил Игорь, отхлебнув «Эрл Грей» из огромной кружки с нарисованным на боку оленем.

– Ощущаю, что за аренду теперь платить не надо будет. Больше пока ничего не ощущаю.

– Блин, хорошо все-таки вам, питерским... Рано или поздно по-любому своя квартира образуется. И ипотек никаких не надо.

– Ну, у тебя тоже образуется когда-нибудь.

– Ага, образуется... В Вологде, – горько усмехнулся Игорь. – Нее, я в эту жопу мира больше ни ногой! Там же вообще делать нечего.

Ну да, а в Питере тебе есть чем заняться, конечно! Пять дней в неделю развозить резиновые члены по секс-шопам, а в оставшиеся два – пить пиво...

– Бабу тебе надо здесь найти, чувак. А то десять лет в городе ошиваешься, а на квартиру так и не заработал.

– Да и не заработаю уже, видимо...

– Вот и я про то. Пора менять тактику.

Игорь закурил и будто бы о чем-то задумался. Хотя о чем тут было задумываться? Я достал из сахарницы кубик рафинада и принялся рассасывать его, запивая чаем. Так мы просидели молча минут пять, а потом Игорь сказал:

– Ладно, поеду я.

– Давай. Спасибо, что помог.

– Да не за что.

Он встал из-за стола и тут же наступил ногой в миску с кошачьим кормом. Миска перевернулась, сухие подушечки рассыпались по полу.

– Блин. Сорри...

Игорь нагнулся и принялся собирать корм, но я его оставил.

– Да забей ты, я подмету потом. Все равно уборку надо делать – вон, сколько пыли по углам накопилось.

– А, ну тогда ладно... Слушай, а тут кошка живет, что ли?

Нет, блин, просто батя очень любил «Вискаса» из миски пожрать!

– Кот здесь живет. Ну, то есть, надеюсь, что живет еще. Он старый уже очень.

– Пока его что-то не видать...

– Чужих боится, вот и не выходит. Если б он тоже помер,

соседка, думаю, миску бы точно убрала...

– Понятно... Ладно, удачи.

– Удачи!

Мы пожали друг другу руки, и Игорь ушел. Закрыв за ним дверь, я с полминуты постоял в прихожей, разглядывая сумки с барахлом, а потом принялся искать кота. И кот быстро нашелся. В большой комнате, за диваном. Сидел там в самом углу и сверкал на меня из темноты огромными желтыми глазами.

– Ах, вот ты где, старый засранец! – сказал я и протянул руку к кошачьей морде. – Ну, иди сюда, Пушок!

Пушок открыл пасть, обнажив пожелтевшие от возраста клыки, и зашипел. Вид у него был не очень добрый. А точнее – очень недобрый. Я от греха подальше спрятал руку за спину и еще раз попробовал наладить общение:

– Ну, вылезай, поешь хоть. Игорь, вон, там твою жратву раскидал по кухне – с пола-то оно ведь всегда вкуснее!

Пушок ничего не отвечал, только сверкал глазами.

– Да и хрен с тобой. Проголодаешься – придешь.

Вернувшись на кухню, я достал из-за холодильника швабру и смел кошачий корм на кусок старой газеты, найденный под раковиной. Заодно еще вымел из углов самые большие комки пыли, а из-под буфета – несколько зубочисток и крышку от бутылки пива «Балтика». Судя по цвету – «Тройка». Выбросил все это добро в унитаз, убрал швабру обратно за холодильник и насыпал в миску нового корма.

Ну вот, считай, и прибрался! Для первого дня, пожалуй, достаточно.

Вполне довольный собой, я выключил свет на кухне, вышел в прихожую и опять устался на сумки. Разбирать их совсем не хотелось.

Да и пускай стоят. Никуда они не денутся. А я лучше полежу пойду.

Диван в маленькой комнате стоял тот же самый, что и пятнадцать лет назад. Только теперь он был изрядно подран котом, и, судя по желтоватым разводам на обивке, еще и неоднократно им обоссан. Но запаха вроде бы никакого не было. И то хорошо.

Я взял с тумбочки пульт от телевизора и нажал на кнопку включения. Ничего не произошло.

Ну, ладно... Все равно там сплошное дерьмо показывают. Положив пульт обратно на тумбочку, я улегся на диван и принялся разглядывать комнату. Ничего не изменилось. Те же совковые обои в цветочек, та же люстра на две лампочки, тот же плакат с косоглазым Томом Йорком, который я повесил на стену в год выхода альбома «Nail To The Thief». Вот только на телевизоре теперь стояла фотография отца. С черной диагональной ленточкой в нижнем углу.

Все эти похоронные фотографии совершенно одинаковые. У людей, изображенных на них, нет ни возраста, ни выражения на лице, ни вообще чего-либо, что могло бы привлечь внимание. Вот и отец смотрел на меня с этой карточ-

ки будто из какого-то безвременья. Сколько ему здесь лет? Тридцать пять? Пятьдесят? Да черт его знает...

Где-то минут сорок я лежал на диване, глядя то в экран выключенного телевизора, то на фотографию отца. Вспомнил, как по этому самому телику мы смотрели с ним финал Кубка УЕФА 1999-го года. «Парма» – «Олимпик Марсель». «Парма» тогда была чудо как хороша! Буффон, Тюрам, Каннаваро, Верон, Креспо... У французов не было ни единого шанса. А какой гол Кьеза-старший заколотил! С лёта, да в самую девятку. Пальчики оближешь!

Мои воспоминания о золотых временах пармезанского футбола прервал Пушок. Оказывается, пока я валялся на диване и пялился в пустой экран, он пришел в комнату и теперь внимательно рассматривал меня, притаившись возле двери. Шпиён, блин! Хотя для хорошего шпиёна он был, конечно, великоват. Да, огромный, рыжий с белым, котяра выглядел очень внушительно, ничего не скажешь. Я-то помнил его еще совсем маленьким, с две ладошки размером, не больше. Эдакая пиздюлина с хвостом. Отец принес Пушка с помойки примерно через месяц после того, как я съехал из этой квартиры.

«Буду теперь его воспитывать. Надеюсь, получится лучше, чем с тобой», – вот, что он сказал, первый раз демонстрируя мне своего питомца. Впрочем, поначалу питомец занимался только тем, что пищал да гадил, где попало, – то есть, не сильно отличался поведением от меня. Но потом воспита-

тельный процесс, видимо, пошел успешнее – во всяком случае, я не помнил, чтобы отец жаловался на Пушкина, что тот спиздил у него двести рублей и купил на них три полторашки «Степана Разина»...

И вот теперь, пятнадцать лет спустя, на меня смотрел старый угрюмый кот. Хотя, может быть, вовсе он и не угрюмый? Может быть, на душе у него легко и светло – просто морда осунулась, вот и получилось такое выражение...

– Ну, иди сюда, Пушок, не бойся!

Кот не шелохнулся.

Когда я приезжал в гости к отцу, Пушок всегда где-нибудь прятался. Не любил он гостей.

Но теперь я – не гость. И никуда уж от этого не денешься.

– Нет-нет-нет! Раз уж ты снова живешь в соседнем квартале, то даже не пытайся отмазываться, – сказала Наташа, убирая в рюкзак бумажный пакет с теплыми булочками, – Мы обязательно встретимся и поболтаем. Не хочешь в шашлычную – пойдем куда-нибудь в другое место. Интересно же жутко, как у тебя жизнь сложилась! Столько лет не виделись!

Да уж пиздец как интересно! Интереснее только, как «Ротор» с «Кубанью» вчера сыграли

– А ты давно приехал-то? Видел уже кого-нибудь из наших?

– Вчера приехал. Вечером. Конечно, никого еще не видел.

– Ой, я первая! Как забавно получилось! – Наташа рассмеялась, застегнула рюкзак и надела его на спину. – Ну, Юрку точно скоро увидишь, он тут постоянно трется возле магазина.

– Его уже выпустили?

– Выпустили полгода назад! Но наверняка скоро опять посадят, так что лови момент! Тебе папа про него рассказывал, да?

– Ага, папа...

– Как у него-то дела?

– Да никак уже.

Наташа изобразила на лице какое-то жалкое подобие вселенской скорби.

– Ой, извини... Я не знала. Ладно, побегу, а то сын булочки ждет. Здесь самые вкусные булочки с маком, которые я пробовала! Могу три штуки за раз съесть, хоть мне и нельзя, конечно! – она опять рассмеялась и похлопала себя ладонью по заднице. – Спишемся!

– Ага... Спишемся, – ответил я закрывшейся за ней дверью булочной. Потом купил себе стаканчик американо и чизкейк. Булочку с маком брать не стал. Уселся за маленький столик в углу и позавтракал. Кофе выпил только половину, остальное дохлебал на улице, дымя сигаретой. Возле дверей продуктового магазина на другой стороне улицы о чем-то спорили три похмельных мужика. Юрки Меньшова среди

них не было.

И то хорошо. Хватит с меня на сегодня старых знакомых, пожалуй.

Домой я вернулся с двумя пакетами еды для себя и десятью килограммами туалетного наполнителя для кота.

Столько добра, и все – под хвост...

Пушок уже ждал меня в прихожей. Он внимательно осмотрел пакеты и сунул голову в тот, где сверху лежала упаковка говяжьего фарша.

– Это – не тебе! Брысь! Брысь!

Так-то лучше.

Быстренько разобрав покупки, я сделал себе кофе во френч-прессе и вышел на балкон. Сел на маленький деревянный стул, поставил кружку на подоконник, достал из кармана сигареты. Мне всегда нравился этот балкон. Подростком я часами сидел здесь летом в наушниках и слушал музыку. Включать ее приходилось громко, чтобы заглушить вопли бесившихся на площадке возле школы детей. Про вакуумные наушники в наших краях тогда еще, разумеется, никто и не слышал.

Сейчас, воскресным утром, детей на площадке не было, и я мог спокойно посидеть в тишине, разглядывая школу. Разглядывать там, конечно, было особо нечего. Школа как школа – четыре этажа, спортзал, столовая... И чем я там десять лет занимался? Черт его вспомнит. Я докурил сигарету и попытался зашвырнуть окурок на школьную площадку.

Не дострелил.

В прихожей меня по-прежнему ждали сумки с барахлом. Я попытался найти какую-нибудь отмазку, чтобы не заниматься ими и сегодня, но так и не смог этого сделать.

Ну, ладно. Рано или поздно все равно ведь придется.

Я перетасил сумки в комнату, вывалил всю одежду на диван, а ноутбук и колонки поставил на подоконник.

Шкаф оказался совершенно пустым. Видимо, всю одежду отца мама выбросила сразу после похорон. Я аккуратно развесил на перекладине куртки и рубашки, а штаны, футболки и белье сложил в выдвижные ящики. Все это дело заняло не больше получаса, но я все равно устал. И потому даже слегка обрадовался, когда услышал громкий стук в дверь.

– Лёша, это тётя Люся! – донеслось с лестничной клетки. – Открывай.

Ну, конечно, тётя Люся. А кто же еще?

– Здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй. Приехал наконец-то! Я тебя утром в окно увидела. Из магазина шел, наверное, с мешками.

– Да, из магазина. Заходите. Чай будете?

– Ой, нет, спасибо! Я на минутку только.

Тётя Люся зашла в прихожую, поставила на пол авоську и внимательно посмотрела на меня.

– Ну, как же ты вырос! Совсем взрослый мужик стал.

Это не я вырос, тётя Люся, это вы скукожились.

Хотя на самом деле с момента нашей последней встречи она ни капельки не изменилась. Да оно и понятно – люди ведь, как известно, не молодеют, а стареть дальше тете Люсе было уже просто некуда.

– Ладно, у тебя дел сейчас хватает, не буду отвлекать, – она подняла с пола только что поставленную туда авоську и начала в ней копошиться. – Я тебе корм для котика принесла.

С этими словами тетя Люся вынула из авоськи маленькую пачку «Рояль Канин» и протянула мне.

– Отец твой всегда его таким кормил. Вот и я купила на всякий случай – не знала ведь, когда ты приедешь. – Тетя Люся говорила так быстро, будто собралась наконец-то помереть, и хотела поскорее уладить все формальности, – Дорогой очень, но полезный, наверное. Вон, сколько лет уже котик живет.

– Спасибо большое.

– И вот тут еще нашла у себя «Вискас», это от моей кошечки остался. Может, пригодится?

– Спасибо... Сколько я вам должен?

– Ой, ну что ты! – Тетя Люся тряхнула седой головой и аккуратно сложила авоську вчетверо. – Твой отец мне так помогал, неужели я с тебя деньги брать буду? У меня пенсия-то хорошая, чего позориться?

– Спасибо... Если что-то понадобится – вы обращайтесь. Вдруг и я чем помочь смогу?

– Обращусь, конечно! Совсем уж старая стала, даже лампочку сама поменять не могу. А где Пушок-то? Вы с ним уже подружились?

– Ну, не то чтобы подружились, но пока особо и не ссорились.

– Леша, ты котика-то береги! – тетя Люся взяла меня за запястье морщинистой ладошкой и посмотрела прямо в глаза. – Отец твой так его любил. Души не чаял...

– Постараюсь...

– Не «постараюсь», а береги. Ой, у меня же машинка стирает! Все, побежала, закрывай дверь давай.

Я закрыл за ней дверь, взял с тумбочки пакеты с кормом и отнес их на кухню. «Рояль Канин» убрал в буфет, а «Вискас» засунул под раковину, поближе к мусорному ведру.

Отдам потом дворовым кошкам.

Вечером в среду, вернувшись с работы и перекусив, я решил прогуляться по родным краям. Заняться все равно было нечем, да и погода стояла что надо: тепло, но не жарко, легкий ветерок, никакого дождя. Красота! Я вышел из парадной, закурил и пошел, куда глядели глаза. А вариантов у них здесь было немного: либо к заливу, либо от залива. Они выбрали второй.

Знакомые с детства кварталы были так же скучны и уны-

лы, как и пятнадцать лет назад. Впрочем, я в этом даже не сомневался. А потому, приезжая в гости к отцу, никогда не ходил гулять по району.

На что тут смотреть-то? Слева дом, справа дерево. Или наоборот.

Что-то, конечно, изменилось за прошедшее время: вывески на магазинах стали ярче, стены – чище, а кусты – подстриженнее. По тротуару навстречу мне со стороны бизнес-центров, угнездившихся на территории бывшей промзоны, тянулась вереница офисных работников нижнего звена. Все они шли к метро. Кто поодиночке, кто небольшими компаниями. Когда-то такой же вереницей по тому же самому тротуару ходили рабочие не существующих теперь заводов. Те же самые люди, только с другими записями в трудовых книжках.

Дойдя до проспекта КИМа, я свернул налево и направился в сторону парка Декабристов. Да, Советский Союз в этих краях будто бы и не прекращался. Декабристы, Коммунистический Интернационал Молодежи, а между ними – еще и площадь Балтийских Юнг. Про декабристов я хотя бы в школе что-то слышал, а вот с интернационалом молодежи и юнгами дело обстояло совсем плохо...

Кто, черт возьми, были все эти люди?

В парке я нашел свободную скамейку, уселся на нее, покурил и принялся играть в игру на телефоне. Игра очень простая: соединяешь точки одного цвета в линию – и выигры-

ваешь. Не соединяешь – не выигрываешь. Ничего лишнего! Соединив несколько сотен точек, я захотел есть. И пошел домой.

Наташа написала, когда я, уже поужинав, валялся на диване и читал найденную в отцовской библиотеке книжку Чарльза Сноу «Смерть под парусом».

«Привет! Давай завтра сходим кофе поьем после работы. Сможешь?»

Смогу, конечно. Куда я денусь-то?

«Привет. Давай. Где?»

«Кофейня „Три зернышка“ на Наличной, знаешь? Часов в 8»

«Найду, договорились»

«Урааа!!!:)»

Я отложил телефон в сторону и посмотрел на обложку книги. Там был изображен какой-то нелепый коллаж из почтовой открытки, корабельного штурвала и искаженного притворной гримасой ужаса женского лица. А вот собственно паруса почему-то нарисовано не было. Как, впрочем, и смерти.

Три зернышка... Господи, какое убогое название!

Когда я дочитал до 73-ей страницы, пришел Пушок. Посидел немного возле дивана, а потом запрыгнул на него и улегся рядом со мной. Неожиданно! Я почесал кота за ухом, он тихонько замурлыкал. Шерсть у Пушка была длинная и мягкая, но особо пушистым он, на самом деле, не казался.

– Не подходит тебе это имя, чувак. И как ты с ним пятнадцать лет прожил?

Кот ничего не ответил. Зато поднял голову и положил ее мне на живот. Чтобы удобно было чесать его не только за ухом, но и на шее. Морда у него была, конечно, лютая! Усища в разные стороны, уши с кисточками, а на подбородке – некое подобие эспаньолки. Но выражение желтых глаз – абсолютно спокойное. Эдакий потрепанный злыми ветрами капитан паршивого корабля.

– Не, точно не подходит. Не могу я тебя Пушком называть. Ну, какой из тебя, нахрен, Пушок?

И я стал перебирать в уме более подходящие варианты имени для этого старого морского волка.

Пират? Матрос? Боцман? Да не, херня...

От перечисления всех этих морских персонажей я в какой-то момент вспомнил про книгу, которую мне однажды посоветовала прочитать подруга. Эрнест Хэмингуэй, «Старик и море». Сама книга оказалась чудовищно скучной, но вот портрет автора на задней стороне обложки я запомнил на всю оставшуюся жизнь.

– Точно! Хэмингуэй! Вот, на кого ты похож!

Кот смотрел на меня все тем же безразличным взглядом и мурлыкал.

– Теперь тебя будут звать Хэмингуэй. Понял?

Ноль реакции.

– Хотя тебе это, конечно, сложновато, да? Да, четыре сло-

га – это чересчур много для одного кота. Ну, значит, будешь просто Хэм.

Хэм прикрыл глаза и замурлыкал еще громче. Кажется, новое имя ему понравилось.

В кофейне «Три зернышка» было многолюдно. Как раз в 20—00 начиналась акция «-30% на всю выпечку», и акция эта явно пользовалась популярностью. Очередь в кассу – человек десять, не меньше. Но почти все столики при этом были свободны. Я уселся за тот, что стоял в самом углу зала и стал вертеть в руках рекламный флаер, рассказывающий о том, какой прекрасный зерновой кофе можно купить здесь совсем недорого. В кофе я ровным счетом ничего не понимал.

Наташа пришла в пятнадцать минут девятого, когда очередь за дешевой выпечкой уже почти рассосалась.

– Привет!

– Привет-привет.

– Извини, что опоздала. Никуда не могу прийти вовремя.

– Да ничего страшного. Не на час же опоздала.

– А ведь могла! – она рассмеялась и достала из сумки кошелек. – Так. Я здесь все знаю и пойду возьму самое вкусное. Деньги потом отдашь, ага?

– Ага. Только с орехами мне ничего не бери, о'кей?

– У тебя аллергия?

– Нет, просто не люблю...

– Хорошо. Будет без орехов.

Через пять минут Наташа вернулась с подносом, на котором стояли две чашки черного кофе и огромная тарелка со всякими булочками. Штук восемь булочек, наверное. Или даже десять.

– Надеюсь, ты голодный. Иначе мне придется сожрать все самой. И ведь я сожру!

– Да ты любительница кондитерских изделий, я смотрю.

– Ой, не то слово! – она села за стол, взяла с подноса одну из чашек и отхлебнула кофе.

– А по фигуре так и не скажешь.

– Спасибо! – улыбнулась Наташа, выбирая, какую из булочек съесть первой.

Фигура у нее и вправду была классная. Не как в двадцать лет уже, конечно, но вполне себе. Хотя, возможно, она просто умеет так подбирать одежду, чтобы выглядеть стройнее. Светло-голубая кофточка, белая блузка и синие брюки – вот, что на ней сейчас было надето.

– Ты прямо с работы, что ли?

– Нет, успела домой заскочить. А почему ты так подумал?

– Одета как-то уж очень цивильно...

– Цивильно?

– Ну, да. Блузка, брюки... В моем представлении так на работу одеваются.

– Нет, на работе у меня дресс-код. Я как раз домой и заходила для того, чтобы переодеться. А то, подумала, ты меня испугаешься.

– Дресс-код? Где же ты работаешь-то?

– В рекламном агентстве. В большом рекламном агентстве. Начальник отдела по работе с клиентами.

Вот оно как.

Я-то подумал было, что она просто продает какое-нибудь никому не нужное дерьмо, а она, оказывается, помогает в этом деле другим. Неплохо. Очень неплохо.

– А ты чем занимаешься?

Я взял с тарелки что-то похожее на ватрушку, в которую вместо творога положили половинку абрикоса в сиропе, и откусил кусочек. Вкусно, ничего не скажешь.

– На эскалаторном заводе работаю.

– Ого! – Наташа аж перестала жевать, так сильно удивилась. – У нас такой есть?

– Есть, конечно. Людям же нужны эскалаторы.

– И кем ты там работаешь?

– Ну... В общем, я – тот чувак, который настраивает скорость движения поручня. Помнишь, раньше в метро поручни всегда ехали быстрее, чем эскалатор?

– Точно, было такое.

– Ну, вот. А теперь такого нет. Это потому что они меня наняли.

– Ой, я так давно в метро не ездила! Даже не помню, когда

в последний раз.

Ну да, успешные продавцы дерьма в метро не ездят.

Наташа расправилась с очередной булочкой, допила остатки кофе и отставила чашку в сторону. Потом взяла салфетку и вытерла ею рот. Помады у нее на губах не было.

– Ну, давай, рассказывай! – с этими словами она сложила руки перед собой как прилежная ученица с первой парты и пристально посмотрела на меня. – Как жил, чего нажил?

Началось...

– Бывшая жена, алименты, судимость и раковая опухоль. Вот этого всего я, к счастью, пока что не нажил. А в остальном и рассказывать-то особо нечего. Так что давай лучше ты.

– Блин, Леша, я так и знала, – Наташа все так же смотрела мне прямо в глаза, только теперь на губах у нее появилась какая-то слегка издевательская улыбка. – Так и знала, что ты что-то такое скажешь. Заранее ответ придумал, да?

– Конечно.

– Пятнадцать лет прошло, а ты нифига не изменился. Лишь бы отболтаться.

– Зря ты так. Мне и правда особо нечего рассказывать. Не то чтобы за эти пятнадцать лет ничего не происходило... Просто в итоге так ничего и не произошло.

Наташа молча смотрела на меня, то складывая, то разворачивая пальцами белую бумажную салфетку. Прическа у нее изменилась, вот что. Когда мы виделись в последний раз, она носила челку. Сейчас челки не было, да и волосы

стали немного длиннее и светлее. Видать, красится.

– А у меня вот и бывший муж имеется, и ребенок. Девять лет уже Косте. Папа умер, мама на пенсию вышла в прошлом году. Я ей квартиру купила здесь неподалеку, на Кораблях.

Чертовски важная информация. Наташа всегда умела так говорить – кратко, по существу и непонятно, зачем.

– Ты почему пропал тогда, ничего не рассказав, а? Я ведь тебе и писала и звонила – ни ответа, ни привета. Сложно трубку взять было, что ли?

– Да не то чтобы сложно... Но оно ведь как бывает: один раз ответишь, а потом и второй раз ответишь. Нафиг надо. Пропал, потому что мне так захотелось. Вот и все.

– А я ведь переживала. Даже отца твоего подкараулила у подъезда, чтобы спросить, куда ты делся. «Да все у него в порядке, просто захотел пожить один», – Наташа развела руками. – Вот и весь ответ был.

Переживала? Ты? Обо мне? Смешно.

– Не хочешь ничего рассказывать, значит, да? Зачем пришел тогда?

И вправду – зачем я пришел? Я ведь ни кофе особо не люблю, ни булочки... Сижу тут как пациент перед врачом и хочу курить. Да ну, нахрен.

– Слушай, Наташ, а тебе случайно новый муж не нужен, а?

– Что? – она на секунду зависла и перестала сворачивать и разворачивать салфетку.

– Муж новый тебе не нужен? А то ты говоришь, что быв-

ший у тебя уже есть. А нынешний?

Наташа рассмеялась и зачем-то заглянула в кофейную чашку. Там, конечно, было все так же пусто.

– Нынешнего нет. А ты, что, хочешь предложить свою кандидатуру?

– Не свою. Есть у меня друг, которому точно не помешала бы жена. Он хороший парень, только раздолбай немножко.

– Вадим, что ли?

Вадим? Ну, ты вспомнила... Примерно предпоследний человек на свете, которого можно было бы назвать «хорошим парнем».

– Не, ты его не знаешь. Игорем зовут. Мы с ним квартиру вместе снимали последние два года.

Наташа будто бы пропустила мои слова мимо ушей. Похоже, новый муж был ей не очень нужен.

– А как там Вадим, кстати?

– Да нормально... Живет сейчас в какой-нибудь Кампучии, или что-то вроде того.

– Ого! Решил сбежать подальше от цивилизации, что ли?

– Не совсем... По семейным обстоятельствам уехал, так скажем.

– На азиатке женился?

– Нет. Развелся с россиянкой.

– А-а-а, – протянула Наташа так, будто что-то поняла. – Интересно.

– Да ничего интересного, на самом деле.

– Это я просто так сказала. Он мне никогда не нравился, этот Вадим. Мерзкий тип.

– Да я тоже не очень приятный.

В подтверждение этих слов я оскалился, показав Наташе пожелтевшие от курева зубы.

Она отвела взгляд и снова уставилась куда-то вглубь пустой кофейной чашки.

– Сходи, возьми еще кофе, пожалуйста.

– О'кей.

Я сходил на кассу, купил две чашки американо и вернулся. Наташа погасила экран телефона, отложила его в сторону и взяла у меня одну из чашек.

– А я вот с Максимом Федоренко иногда вижусь, помнишь такого?

– Помню, конечно. Только не знал, что вы хорошо знакомы.

– А мы в юности и не общались почти. Так, пересекались иногда в компании. У него дочка с моим Костей в одном классе учится. А еще я у него в сервисе машину ремонтирую. У него же теперь свой автосервис на Уральской. – Наташа произнесла это с таким почтением, что я даже на секунду пожалел о том, что у меня нет своего автосервиса на Уральской. – Так и стали общаться понемногу. Раз в пару месяцев в пивной ресторан ходим, болтаем о том о сем. Про тебя с Вадимом недавно вот вспоминали.

– М-м-м...

– С ним-то ты рад был бы увидеться?

Рад? Конечно! Подбежал бы сразу как собачка и о ногу тереться начал. Или что там еще делают, когда рады кого-то видеть?

– Да не знаю... Я его редко вспоминал, если честно.

– А кого ты часто вспоминал? Дай, угадаю... Старался не вспоминать никого, да?

– Примерно так.

– Ну, в общем, если хочешь, пошли в следующий раз с нами. Пиво-то пить ты все так же любишь, как и раньше, я надеюсь?

– Есть такое дело...

– Ну, слава богу! Может, хоть напьешься и поразговорчивей станешь. А то я себя так глупо сейчас чувствую. Как будто заставляю тебя со мной общаться.

Ну да, тебе такое непривычно. Конечно.

Еще минут двадцать мы цедили кофе и вспоминали всяких общих знакомых. Светка Лаврова родила двойню, Димка Мазаев разбился на машине, Юрка Меньшов спился, и все вот это вот...

Эх, декабристы и балтийские юнги, где же вы все теперь?

Когда Наташа ушла, я еще долго сидел за пустым столиком и пялился на стену напротив. Там из больших пластмассовых горшков торчали большие пластмассовые растения. Я даже забыл, что мне так сильно хотелось курить.

В воскресенье я зачем-то проснулся как на работу – в шесть тридцать пять. На улице было солнечно, и Хэм с утра пораньше развалился на подоконнике, подставив рыжий бок теплым лучам. Такой милаха! Я встал с дивана, подошел, потрепал его мохнатую щеку и отправился завтракать. Кофе, яичница и тосты с шоколадной пастой. Потом еще сигарета, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.